

БОЛЬШОЙ ЗАЛ "ВК"

В сталинском раю еще играют на балалайках

О «Свадьбе»

Фильм снимался по-русски, в России, с русскими актерами и исключительно о русской жизни, в его создании принимали участие российские кинокомпании, так что это копродукция. Какой же он еще, если не русский?

Вообще мне кажутся совершенно искусственными рассуждения о том, русский это фильм или французский, поскольку кинопроцесс сейчас, как и все в этом мире, сильно глобализовался. Немножко денег от Германии, немножко от Италии, еще от кого-то... В Европе почти все фильмы сейчас снимаются так, в отличие от Америки, где фильмы финансируются целиком американскими супергигантами. Европа объединяется не только в политическом смысле, чтобы каким-то образом противостоять Америке. Объединяется и искусство. Поэтому я думаю, что судьба России — быть в Европе, и в области кино в том числе.

Об актерах

В России почему-то писали, что приз в Каннах мне дали за удачный подбор актеров. На самом деле формулировка другая: наградили актеров за их хорошую игру. Не одного, не двух, а всех. И мне кажется, это справедливо, поскольку в фильме, конечно, есть два главных героя — жених и невеста, но в целом картина сделана как многофигурная фреска. Там действительно был настоящий ансамбль, и, по-моему, все очень хорошо играли. В моих фильмах обычно снимаются все время разные актеры. Но на этой картине, как мне кажется, я нашел свою команду актеров, с которыми я хотел бы продолжить работу. А вообще, вы знаете, вот такая есть интересная вещь. Каждая эпоха, каждая ситуация в жизни государства и общества имеет свое неповторимое лицо. Вот сейчас, например, появились новые лица, новый тип актеров. И эти актеры играют уже совсем по-другому. Они, конечно, непохожи на всем известных и любимых нами звезд. В «Свадьбе» у меня в главных ролях снялись замечательные Маша Миронова и Марат Башаров. Он более известен, а она еще нет.

Марат Башаров всегда играл роли плутов, успешных, но очень хороших, но ловких людей. Здесь ему надо было сыграть совсем другую роль — деревенского простака. И оказалось, что эта роль абсолютно соответствует его натуре. Это было огромным открытием и огромной радостью для меня. Маша, по-моему, создана из какого-то особого звездного материала. Бывает, знаете, такие особые лица, в которых есть свет какой-то. Объяснить это рационально довольно сложно, но на экране все видно. Звезда может в принципе и не играть, ей достаточно просто «быть» на экране. Такое встречается очень-очень редко, но мне кажется, что Маша как раз из этой породы.

Андрея Панина никто пока толком не видел, хотя кое-кто его знает как мхатовского актера. Александр Семчев, которого все знали в основном по рекламе пива, оказался невероятно интересным драматическим артистом. Володя Симонов из Вахтанговского театра — по-моему, настоящее открытие. Как он умеет играть смесь силы и слабости! Ну это, конечно, надо видеть. Вообще там играют почти все театральные актеры. Галя Петрова из «Современника», Владимир Сальников из ТЮЗа, Маша Голубкина...

О Париже

Мне кажется, я завоевал себе право жить там, где хочу. Я счастлив, что могу жить как свободный человек (хотя до конца я им, конечно, не являюсь, но всегда пытаюсь быть). И дело не в месте прописки. Гораздо важнее то, что внутренне прикован к России. Я снова и снова возвращаюсь сюда. Мне давно уже предлагают снимать фильм во Франции, но я отказываюсь, потому что не чувствую, не понимаю этого.

Жить можно где угодно, но говорить надо о том, что тебя волнует. Режиссер — это ведь все равно что птичка. На какое окно ей высплывет зерно, туда она и летит. К сожалению, в моей стране я не получил ни одного предложения и не заработал ни одного рубля. Поэтому, естественно, я предпочитаю жить и работать во Франции. Моя жизнь устроилась очень удачно и счастливо: получаю деньги во Франции, а фильмы снимаю какие хочу и где хочу. Наше Госкино ни разу не давало мне денег на съемки. А во Франции мне дает деньги государство. Там вообще гораздо больше социализма, чем сейчас в России. Государство там вкладывает в кино довольно много денег. Особенно в то кино, которое непохоже на голливудское. Они считают, что для этого надо сохранять культурное своеобразие, и дают деньги на съемки и югославам, и португальцам, и полякам... Всем дают. Но понемножку.

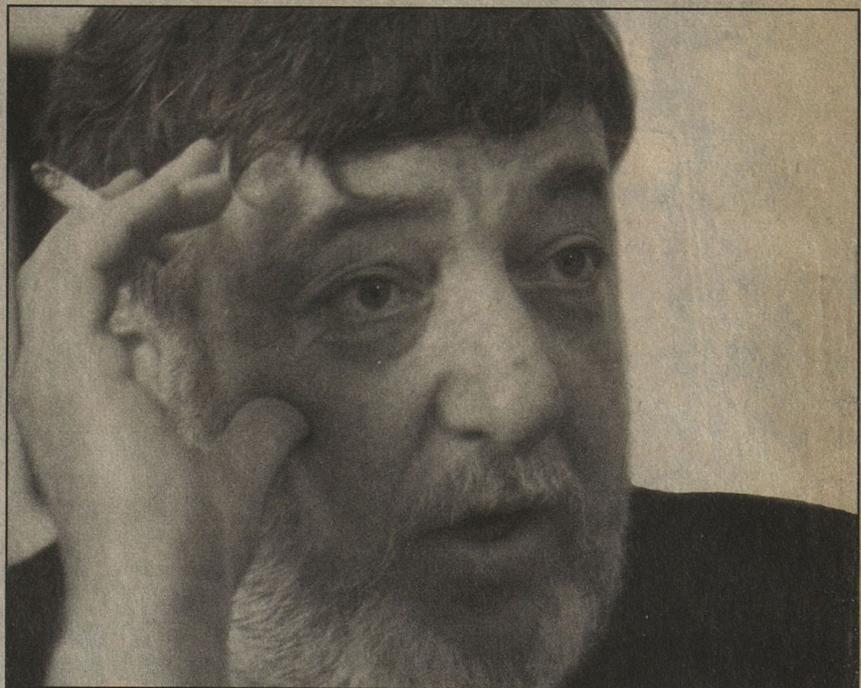
О французском кинопроизводстве

Производство фильмов во Франции никак не зависит от проката, и это одно время сильно развращало французский кинематограф. Сейчас ситуация меняется, появляется много молодых режиссеров, режис, отказавшихся от суверена интеллекта. Появляются чувственные фильмы. В общем, там что-то движется.

Что касается финансирования иностранцев, вроде меня, французы считают: если русский — иди и снимай, что лучше знаешь. Какие-то продюсеры присылают свои сценарии, но они не понимают, что я хочу снимать. У меня, например, была потрясающая идея снять фильм про двух арабов, уличных хулиганов. Я придумал историю, где они должны были сами себя играть. И там появились бы персонаж — молодой буржуа, который входит в эту уличную жизнь. Я уже даже снимал арабов ручной камерой. Но заказчики сказали, что это чернуха.

Павла Лунгина смело можно считать главным героем этого кинематографического года: как еще назвать режиссера, фильм которого удостоен одной из самых престижных наград в кинематике — специального приза Каннского кинофестиваля? В среду, 12 июля, кинорежиссер Павел Лунгин праздновал день рождения. И день этот он начал с приятного визита к нам в «Вечерний клуб».

Вообще, надо сказать, в последние годы Лунгин в Москве — гость редкий, поскольку живет в Париже, а в России бывает наездами. Сейчас он приехал, чтобы представить во внеконкурсной программе Московского кинофестиваля тот самый, шумевший в Каннах фильм «Свадьба». Картину в Москве еще почти никто не видел, и потому за истину «ВК» расспросить режиссера пришли журналисты почти всех ведущих столичных СМИ.

Павел ЛУНГИН:

У НАС СВЯТО ВЕРЯТ, ЧТО В КАННАХ МОЖНО ВСЕ КУПИТЬ

Зато с продюсером «Свадьбы» мне очень повезло — это была молодая дама, которая меня почти боготворила и даже не думала вмешиваться в творческий процесс.

Об американской душе

Вообще должен сказать, что мне французское кино не очень близко, даже американское ближе. Хотя американское кино тоже очень разное. Меня привлекает то свободное неограниченное кино, в котором встречается такое понятие, как «душа». Из последних картин — например, «Магнолия». Или такой малобюджетный фильм, неожиданно ставший очень успешным, как «Американская красота» — абсолютно не политкорректный и опровергающий все голливудские стандарты. У американцев, в отличие от французов, есть кино, которое пытается заглянуть в душу. А про французский недаром кто-то в XVIII веке сказал: «Французы души не имеют и имеют такую почтительность бы для себя за величайшее несчастье».

О российском кино

В России происходят ужасные вещи. Раз сам фильм пока не приносит доходов, стали зарабатывать на его производстве. Мало кто знает, что государство приняло закон: вложить деньги в кино — снимут налоги. Бизнесмен объявляет, что вложил миллион и «откатом» получает назад 750 тысяч. На остальное снимается кино. Воровство процветает, и чем хуже режиссер — тем легче ему заработать.

Не могу понять, что происходит — кто пишет сценарии, кто снимает, кто играет... В России снимают по пятьдесят фильмов в год, но это же ужас что. Система такая, что результат не важен. Достаточно посмотреть разрекламированный сериал по романам Марининой.

О Госкино

Я немножко отстал от российской жизни, но слышал, что здесь все почему-то ужасно обиделись, что Госкино отменили. Это понять можно, поскольку люди, видимо, почувствовали, что их лишают какого-то статуса. Но я лично, по правде говоря, от Госкино ничего никогда не видел. Помню, еще до «Такси-блэза», когда я пытался быть режиссером, сидел в каких-то очередях в коридорах Госкино по три часа. Но эти двери для меня никогда не открывались. Не знаю, как сейчас, но думаю, что дух тайны, окутывающий решения чиновников о том, кому давать деньги на съемки, а кому не давать, по-прежнему остался.

О Липках

Я обязательно покажу «Свадьбу» в Липках, где она снималась. Вообще это совершенно удивительное место. Городок в 50-ти километрах от Тулы. Я набрел на него случайно. Когда мы

готовились к фильму, то просто сели в машину и поехали наобум по окрестностям Тулы. Там вокруг шахты, в которых уже никто никакого угля не добывает. Мы попали в небольшой поселок. Это настоящий сталинский рай. Одни дворцы вокруг. Все в Парфенонах такого желтого цвета. И все это не то чтобы разрушено, а слегка тронуто временем. Как в Древнем Египте. Этакие пирамиды, оставшиеся от ушедшей цивилизации. И в то же время было понятно, что одна цивилизация ушла, а новая еще не пришла. Там мы и снимали. Там живут веселые и счастливые люди. Они уже давно не работают. Как они живут, я не знаю. Но они живут. Они друг друга любят. Они много женятся и выходят замуж. Там бегают огромное количество мелких детей. У них еще работают клубы, и они играют там на балалайках. Там много удивительного. Самое удивительное, что там нет нищеты. Бедность, конечно, есть, но это к нищете не имеет никакого отношения. Пьянство есть. Но оно какое-то шуточное: кто пьет, тот пьет. Там я понял главную тему своего фильма. Ведь все говорят о катастрофе. Десять лет я слышу слово «катастрофа» — и здесь, и на Западе. Во Франции показывают все оди и те же кадры по телевизору — какую-то русскую бабушку бедную, которая пытается кому-то у метро полстакана кефира продать. И из года в год я вижу в Париже по телевизору эти душещипательные вещи. Или еще показывают каких-то идиотов в красных пиджаках где-нибудь в казино. Все это здесь есть, конечно, но это же не главное. И мне кажется, что народ не гибнет.

На Московский фестиваль я еду не потому, что это фестиваль класса «А», а просто я еду к себе домой. Мне же хочется «Свадьбу» здесь показать. Я пушу фильм в прокат в России в октябре, а пока покажу на своем родном Московском фестивале.

О конъюнктуре

Честно говоря, в последнее время я не очень часто читаю рецензии. С тех пор, как я по ошибке снял «Такси-блэз». Объяснений, почему я тогда снял картину, никаких нет. Был один шанс из тысячи, что у меня будет возможность его снять. Потом я точно так же по ошибке получил за него в Каннах приз. И первая же реакция родины была: что же ты, сука, продался, а?! Душу продал, Родину продал... С тех пор все так и идет.

Можно ли говорить о том, что конъюнктура, не знаю. Какая конъюнктура, если в 1990 году, когда все были опены чувством свободы, я снял довольно мрачный фильм о том, как свобода может сделать людей несчастными. Эта свобода не была ими выстрадана. А сейчас, когда конъюнктурой было бы кричать о том, что произошла катастрофа, я, наоборот, делаю неожиданно оптимистичный фильм. Скорее уж я наоборот подставляюсь.

Я вполне осознанно делаю не интеллектуальное кино. Интеллектуальное меня почему-то не интересует. Хотя по складу своему я человек, склонный к интеллектуальным играм, но мне кажется, что это годится для кухонных разговоров, для стеба. А когда ты что-то делаешь, то надо вкладывать не только интеллект и остроумие, но и какое-то чувство. Потому фильмы у меня все довольно наивные. Критиковать их, конечно, легко.

О критиках

Я критику читать почти перестал, поскольку не хочу огорчаться. Есть, конечно, случай отдельный — Юрий Гладильщиков, в жизни которого я играю роль приблизительно такую же, какую в жизни Элочки-людоедки играла Вандерильдиха. Он посвятил свою жизнь искоренению меня, и мы с ним, видимо, оба одновременно растем — от Канн к Каннам. Это было с самого начала. После «Такси-блэза» он написал, что ему стыдно дышать одним воздухом со мной, что он пошел в номер и плакал из-за того, что и он, и я живем в одной России. У него и теперь то же самое. Плач в номерах каннских отелей продолжается. Поэтому у Гладильщикова я не говорю, у нас с ним особая любовь, и для него я делаю исключение: «Итоги» я прочитал.

Я и западную критику не читаю. Вы что, думаете, там по-другому? Интеллектуалы, считающие, что кино — это особый «семиотический контекст», который только они могут расшифровать, и что кино делается для критиков, не любят меня везде. И во Франции, и в России. Какой-

нибудь журнал «Кайе до синема», наверное, будет меня точно так же топтать.

Мне кажется, что фильмы должны быть близки к мифологии. Ты должен сформулировать невысказанные людьми мифы — о сегодняшнем времени, о сегодняшней жизни. Иногда у меня получается, иногда нет, но я себя даже автором не воспринимаю, а только проводником какой-то энергии.

До переезда во Францию я думал, что есть «мы» и что есть «они». А потом, когда я стал жить во Франции, оказалось, что мир и там тот же самый, что всюду те же самые ситуации и те же самые психологические типы у власти. Если чем и отличается Россия, то каким-то экстремизмом, но вообще жизнь одна и та же.

Во Франции сейчас идет война между критикой и режиссурой. Они пишут друг другу письма, профсоюз идет на профсоюз. Эти говорят: «Мы не будем показывать им свои фильмы!», а те — «Мы не опустимся до их критики!». Как раз перед самым отъездом из Франции в Россию я получил очередную просьбу подписать коллективное письмо режиссеров против грубости критиков.

Об отце и матери

О моих родителях и так все хорошо знают. Папа был известный сценарист, а мама — переводчик. Оба уже умерли. У отца недавно вышла книжка в «Вагриусе»; это его воспоминания, сценарии, лекции, и называется она «Виденное наяву». Приятно, что книга пользуется успехом: издательство дотпечатывает тираж, его раскупают.

Мама была необыкновенной женщиной. Знаменита она тем, что переехала со шведского почти все классические вещи Астрид Линдгрен: «Малыша», «Пеппи-Длинный чулок». Недавно, спустя два с половиной года после ее смерти, была атака на ее переводы. Их пытались отменить, заменить новыми. Но появились отзывы, передачи, мамину работу защитили, и вот «старый» «Малыш» все так же считается лучшим.

Наш дом был огромным в прямом и переносном смысле. Старая квартира, оставшаяся еще от дела. Такой дом, каким обычно бывали интеллигентные дома 60-70-х годов: открытые, все время здесь кто-то жил, все время гости, все время кто-то ночевал, приходили замечательные люди. Жил Виктор Некрасов. Помню, как пришел раз ночью пьяный Твардовский и читал «Один день Ивана Денисовича». Он им был так переполнен, что читал всю ночь. У нас Галич пел все свои первые песни. Он был большой друг отца, а я, восьмиклассник, записывал их на магнитофон «Комета».

О московском круге

В Москве у меня, конечно, сохранился свой круг общения, осталось немного близких людей: Кама Гинкас с Гериеттой Яновской, Галин, Чухрай, Мамонов.

У Петра Мамонова я был не так давно. Проехать к нему сложно — 200 километров. Я пытался его уговорить и поднять на общую работу. Но он, я бы сказал, в сложном состоянии. Живет один с девятью кошками. Читал мне «Добротолубие». Я ему пытался рассказывать какие-то новые сюжеты, говорил о планах, а он мне читал отпов церкви. На первый взгляд, он успокоился и ушел от мира, но, с другой стороны, мне кажется, талант его разрывался. Думаю, он рано или поздно это поймет.

О парижском круге

Корпоративного общения в Париже довольно мало. Там люди живут гораздо более одиноко, чем мы привыкли. Но сейчас это и сюда приходит. Хотя я помню реакцию одного французского режиссера, который приехал на «Кинотавр», где все жили одним миром, лежали на одном пляже, ели за одним столом. Он день смотрел, второй смотрел, а потом говорит: «И что, все эти люди так любят друг друга, что могут быть каждый день рядом?»

Во Франции ты выбираешь друзей пошлущно, или они тебя выбирают. Происходит такой химический отбор. Много эмигрантов или полуэмигрантов. Смотришь — вроде чистой воды француз, а «потрешь» его — он оказывается потомком какого-нибудь поляка. Конечно, в Париже у меня есть близкие друзья. И я был рад, что ко мне в Канны прилетело человек десять только на мою премьеру, чтобы разделить радость. Я был очень растроган.

О документальном кино

Я снимаю много документальных лент. В России эти мои фильмы не показывали. А кому они нужны? Сейчас на телевидении редко показывают документальное кино.

Документальный фильм — нечто обратное художественному. Когда ты делаешь художественный фильм, ты создаешь свой мир; в документальном ты должен абсолютно исчезнуть.

Я, например, снял потрясающий фильм, который назывался «ГУЛАГ — секрет счастья», он получил массу призов. В начале 90-х мы с оператором поехали в маленький лагерь; тогда этого еще никто не делал, тогда это было полуразрешено.

Этот фильм о том, как можно быть счастливым в лагере. Наверное, это то общее, что есть в каждом моем фильме, и в «Свадьбе» тоже. Когда душа просыпается в человеке — этот процесс мучительный, ощущение всегда приятные. Человек понимает, что в нем что-то растет. Но если ты сильный, если ты что-то понимаешь — ты сможешь пробить асфальт несчастья.

Я «ГУЛАГ» здесь не показывал. Не почему-нибудь, а потому, что взял интервью у вора в законе (они тогда еще были бедные, он сидел на нарах в одном костюме «Ади-дас»). Это был настоящий вор в законе, всем лагерем руководил, очень, кстати, умный был человек. Говорил как какой-нибудь рабочий райкома: «У нас контингент, вы поймите какой... нервный контингент! Люди же, посмотрите, усталые, нервные. А чуть что не то... А я же с шести утра на ногах... А они все идут и идут, и каждого надо выслушать, понять».

Так вот он мне потом написал письмо — просил, чтобы фильм в России не показывали, потому что он списался с братовой, и те пригрозили, что его «блатвафицируют»... Кстати, история в жизни закончилась печально. Этот вор в законе прожил на свободе три года, и его убили под Свердловском.

Это же люди со своей особой жизнью. Они попадают в лагерь в 16 лет за мордобой, и потом эта система их не выпускает. Мой герой сидел с 16 до 37, сам не понимал как. В фильме, между прочим, были потрясающие кадры. Впервые были сняты «опушенные», я снял экзотическую семью, которые живут просто как муж и жена вопреки зоне.

О семье

В Париже я живу рядом с площадью Бастилии. Квартира хороша еще тем, что выходит на канал, перед окнами проплывают яхты. Красивый вид. Красивей ли Париж, чем Москва? Наверное, да. В Париже больше театральности. Там пришел в кафе, сел за столик — и улица перед тобой словно сцена, на которой происходит невероятный спектакль жизни. У нас же нужно вгрызаться, вталкиваться.

Жену зовут Лена, сына — Иван. Ему 21 год, он художник. Сын у меня, я бы сказал, комнатный ребенок, совсем русский. Наленос, что сейчас мы его отправим в Америку учиться к Жене Корогодскому, сыну знаменитого режиссера. В Америке в образованном огромном подеме, и молодежь оптимистичная, а во Франции молодежь охвачена апатией.

Лена со своей приятельницей-француженкой открыла ресторан. Так что в нашей семье вопрос о кухне отпал. Ресторан итальянский, у нее много забав, она только учится всему этому ресторанному бизнесу. Особых средств на открытие ресторана не требуется, сложнее его поддерживать.

О Московском кинофестивале и о русских

Почему не едут на конкурс в Москву? Потому что еще с советских времен думают, что тут все уже распределено. А у нас, между прочим, свято верят, что в Каннах можно все купить. Русские продюсеры даже говорили о ценах за участие, за призы. Кому этот продюсер хочет давать? Скорее? Звездам-миллионерам? Это уже вошло в менталитет, что все куплено. Поэтому и у нас так судят... И еще в Москву бояться ехать по соображениям безопасности.

А вообще во Франции, например, что ассоциируется с Россией? Водка и мафия! Но это, кстати, общевосточный образ русских. И в то же время считается, что русские — очень хорошие, душевные люди.

Записали Глеб СИТКОВСКИЙ и Сергей СОЛОВЬЕВ

Фото Игоря ИВАНЦЕВИЧА